

Он никогда не был в центре столичной тусовки, не жил напоказ, не мелькал на обложках модных журналов.

Но с самых первых ролей в театре на Таганке был любим зрителями.

Представляем нашим читателям одно из последних интервью замечательного актёра, режиссёра, сценариста, поэта, создателя телепрограммы "Чтобы помнили" Леонида Филатова, которое он дал корреспонденту "Алфавита" Афанасию Борщову.

— Ваше детство, как и детство многих знаменитых актёров, было безоблачным?

— Что такое настоящая крепкая семья, я знал лишь понаслышке. Сразу после моего рождения у родителей что-то не заладилось. Папа нас оставил. Мама решила всем и себе доказать, что она сильная и гордая. Увезла меня как можно дальше от родной Казани — так мы с ней очутились в Ашхабаде. Она устроила мне образцово-показательное детство. В Ашхабаде мне нравилось — там был удивительный воздух свободы уже в середине 50-х. Судите сами — главная улица города вела прямо на границу с Ираном. Многие местные жители глухими тропами перебирались в другое государство, минуя таможни. На базарах в Ашхабаде почти свободно можно было купить лёгкие наркотики. Я попробовал анашу — не впечатлило...

— Лёгкий наркотик — самое яркое воспоминание о вашем "безоблачном" детстве?

— Нет. У меня было воспаление лёгких, мне назначили болезненные уколы, я ужасно их боялся. Врач, чтоб успокоить меня, предложил сделку: мол, он меня колет положенное количество раз, а после подарит самолётик. Я поверил, полгода надежда не угасала. Самолётка того я так и не дождался. До сих пор этот случай помню.

— Учились в школе на "отлично"?

— Точные науки мне не давались вовсе. Преподаватели понимали, что Эйнштейном я не стану, поэтому закрывали на меня глаза и тихонько "вытаскивали". Тогда же в школе я уже решил стать кинорежиссёром. Читал о советском кино и любовался красавцами в дорогих свитерах и модных чёрных очках: Тарковским, Вайдой, Кончаловским. Окончив школу, рванул в Москву. Там я узнал, что экзамены в августе, а у меня денег было только на 2 недели. Тогда же в 65-м проходил Московский кинофестиваль. На все деньги я накопил билетов. В итоге остался почти без копеек в незнакомом городе.

— Как же вы из режиссёров в артисты переквалифицировались?

— Случайный знакомый надомил

Убежище-любовь

Леонид Филатов:
«Я попал
в золотое время».

"идти в артисты", потому что у них экзамены в начале июля. Выбора не было, пришлось пробовать. А у меня был комплекс насчёт своего лица, точнее, "рыла", как мне тогда казалось. Переборол страх, выучил стишок, кстати, собственный, кусок прозаического текста моего же сочинения и какую-то чужую басню. Пошёл сразу в Щукинское, там тогда учились Никита Михалков и Настя Вертинская. Решил, что если и не поступлю, так хоть на людей знаменитых погляжу. На экзамены пришёл к вечеру, днём же у меня было кино! Вечером наплыв абитуриентов спадал, на фоне оставшихся "субъектов" я выглядел даже выигрышно, наверное, благодаря этому меня и приняли.

— Чем зарабатывали на жизнь в студенчестве?

— Строил из себя высокохудожественного авантюриста...

— Это кто ж такой?

— Сочинял пьесы из западной жизни, о ней тогда в середине 60-х у нас в СССР никто ничего не знал, так что я практически ничем не рисковал. Однажды очередной свой опус я подписал Артуром Миллером, который уже тогда был известным драматургом. Тогдашний ректор Щуки легендарный Захава похвалил постановку по "Миллеру" и сказал нам: "Вот что значит — взяться ставить высокую драматургию! Сразу всё получается хорошо!" Мой дружок Боря Галкин выпалил не сдержавшись: "Это же Лёнька Филатов "нарисовал"! Захава был уличён в невежестве и красноречии, его авторитет в глазах студентов упал ниже нуля, со мной он больше никогда не здоровался. Я же продолжал успешно реализовывать свои драматургические шедевры...

— А когда вы познакомились с Райкиным?

— Примерно в то же время и познакомился. До сих пор не могу понять, что Аркадий Исаакович во мне нашёл. Я написал пьесу для "малышей", ребят, учившихся в Щуке на два курса младше нас. Там были Костя Райкин, Юра Богатырёв, Наташа Гундарева и Наташа Варлей. На одно из их выступлений пришёл сам Райкин. Потом Костя сказал, что папа хочет перекинуться со мной парой слов. Я накрахмалил всё лучшее тряпье, какое у меня было, и пошёл. Райкин узнал, что квартиры у меня нет, прописки тоже, после вуза маячит армия, вот он и предложил мне стать его завлитом. И объяснил: "От меня тут уходят трое одесситов, одному из них я уже, к несчастью, успел дать квартиру, второму не успел — она ваша, а осенью поедет на гастроли: Англия, Бельгия, Польша. По рукам!" Я остоленел и попросил разрешения подумать. Через день я нашёл своего друга Ваньку Дыховичного. Он меня

и отговорил: "Расслабься и даже не думай о работе с Райкиным. Ты знаешь, что от него уходит сам Жванецкий – это солнце, второго такого нет и быть не может, потом Карцев и Ильченко тоже уходят – ты заменишь всех троих?" Я понял всё и отказался от работы у Райкина.

– Райкин потом вас простил?

– Меня да, а Мишу Жванецкого – нет.

– А как вы попали на Таганку?

– Моя первая жена работала там, потом мои педагоги из Щуки помогли. Показали Любимову, он меня и взял. На дворе стоял 69-й год. Таганка с Высоцким уже гремела на всю страну. Я попал в золотое время.

– Давайте поговорим о самом большем увлечении вашей жизни...

– В начале 70-х примой Таганки была красавица Нина Шацкая, жена Валеры Золотухина. Завязать с ней роман были бы не прочь и тогдашние "коронованные" зрители нашего театра: Шнитке, Вознесенский, Андроников, не говоря уже об актёрах из театра. Я сначала, любуясь, просто наблюдал за ней. Вскоре некое подобие ответного интереса возникло и с её стороны ко мне. Но она была женой приятеля, это закрывало все пути к развитию наших отношений. Точки над "i" расставил один случай. Я пришёл на утреннюю репетицию спектакля "Живой", проскользнул в полутёмный зал и налетел на неё. Дальше началась мистика. Я неожиданно для самого себя поцеловал её в шею. Как я, неотёсанный провинциальный щенок, осмелился сделать такой шаг, ума не приложу. Шок сковал обоих. Не могу сказать, как закончилась наша встреча, но после неё мы ещё долго старались не видеться, потом всё-таки чувство победило. Мы встречались несколько лет, считая себя великими конспираторами. Мы любили друг друга, но ни она, ни я из семьи не уходили. Первой решилась Нина, она разошлась с Валерием Золотухиным и забрала их общего сына Дениса. Я ещё 2 года тянул. Потом всё же мы объединились. Теперь уже 30 лет живём душа в душу.

– Ваши отношения были романтическими?

– Чрезвычайно. Помню, мы переехали в пустую квартиру. Я улетал на съёмки, она прилетала с гастролей. В тот день я купил шторы, о которых она всё время мечтала, повесил их, в складках разместил разные подарки для неё, а по полу разбросал три ведра алых роз и уехал. Когда она вошла в квартиру, у неё от переизбытка эмоций началась настоящая истерика. Золотухин Нину особо не баловал...

– Сын Валерия Золотухина Денис вас не ревновал к своей маме?

– Нет. Ему к моменту нашей свадьбы

бы уже было 12 лет. Когда Нина сказала ему, что она выходит замуж, он спросил, кто будет его новым папой, она сказала: "Дядя Лёня Филатов!" – тогда он закричал: "Ура!"

– О вашей болезни можете рассказать?

– Как-то во время репетиции в театре у меня пропал голос. Меня спросили, не выпил ли я, а я еле хриплю. Мысль об инсульте даже не приходила. Обратился в чазовский центр. Там меня проверили. Выяснилось, что уже лет 20 у меня были серьёзные проблемы со здоровьем. Оно ухудшалось на глазах. Я плохо говорил и двигался. Меня постоянно обследовали – всё, кроме почек. Даже рак искали – не нашли. Я уже умирал. Лежал в подмосковном санатории. Вставать с кровати не мог, жена перерачивала меня с боку на бок, чтоб не было пролежней. Обо мне почти все забыли... Тогда-то в моей палате и появился Лёнька Ярмольник. Он увидел, что я никакой и что одной ногой уже стою в могиле. Мой лечащий врач отозвала его в сторонку и предупредила: мол, через несколько дней Филатов умрёт. Он, кажется, её очень далеко тогда послал. Поднял меня на руки и отнёс в свою роскошную машину. Определил в какой-то суперкрутой медицинский НИИ. Странное дело: Лёнька – светский человек, яркий, искомётный, делающий тысячи дел одновременно, научившийся зарабатывать большие деньги и успевающий при этом искусством заниматься, – вдруг взял и занялся мной. Мы ведь не были друзьями – так, знакомы по Таганке, в которой оба работали. Это теперь он из моей жизни больше не исчезает. В том НИИ выяснили, что все мои беды из-за почек. Меня стали спасать. Моей старенькой маме и Нине пришлось нелегко со мной. Когда страшная болезнь понемногу стала отступать, я начал понимать: раз Господь не дал мне умереть, значит, это зачем-то нужно, что-то я ещё не сделал, а значит, жизнь продолжается!..

Фото в тексте и на обложке А. Стернина

Об ушедших актёрах лучше не вспоминать, а помнить

Хранитель

Елена Владимировна

Одна из самых интеллигентных программ нашего телевидения "Чтобы помнили" появилась ровно десять лет тому назад. Придумал её Леонид Филатов. Это была его авторская программа. Он задавал в ней тон, хотя намеренно уходил в тень, был немногословен в своём коротком присутствии на экране. Программа быстро завоевала успех и зрительское признание, и именно за неё Филатов получил Госпремию и "ТЭФИ".

Последние годы Леонид Филатов был тяжело болен. Жил на диализе – еженедельной очистке крови. Болезнь почек резко изменила его жизнь – он перестал сниматься в кино, играть в театре. Но, будучи уже безнадежно больным, с трудом отыгрывая у смерти каждый день, он всё-таки не оставлял передачу "Чтобы помнили". Она стала для него самым главным делом. Он не хотел расставаться со своими зрителями, стремился сохранить с ними хотя бы одностороннюю связь. Руководитель программы Ирина Химушина вспоминает, что Леонид Филатов принимал самое деятельное участие в подготовке передачи – сам тщательнейшим образом отбирал каждую кандидатуру, отсматривал весь материал. Его привозили на съёмки, и, удивительное дело, как бы плохо он себя ни чувствовал, он собирался и хотя бы на полчаса превращался в прежнего Леонида Филатова, которого так любила и камера, и зрители.

"Чтобы помнили" рассказывает о тех, кого уже нет с нами, но кто сполна познал когда-то вкус славы. Каждый был личностью и каждый заслуживает того, о чём говорится в названии.

ВЫШЛО УЖЕ БОЛЬШЕ СТА ПРОГРАММ.

Чтобы выпустить каждую из них в эфир, съёмочной группе приходится совершать поистине детективные поиски.

Вот, например, только что завершена работа об актёре театра на Таганке Гюлибе Ронинсоне. Многие уже успели подзабыть этого удивительного мастера – ведь он всю жизнь играл эпизодические роли. Но Леонид Филатов убеждал, доказывал, что программа о нём необходима. Ведь именно о таких, как Ронинсон, говорят: "Нет маленьких ролей, есть маленькие артисты".

Тошу (так его называли друзья) любили в театре. Называли даже "министром здравоохранения" из-за того, что он пытался помочь каждому, лечил всех, знал телефоны различных врачей. Правда, сам умер, так и не успев вызвать врача и принять нужную таблетку. Он был одиноким человеком, а потому, как выяснилось, заранее приготавливал себе надгробную плиту с надписью. Решили её заснять, и тут, естественно, возник вопрос: а где же похоронен Ронинсон? Выяснилось неожиданное – этого в театре не знает никто. Запомнили. Группа "Чтобы помнили" взялась за поиск. Стали ездить по разным кладбищам – безуспешно. Наконец кто-то вспомнил об одной старой актрисе, некогда дружившей с Ронинсоном. С трудом нашли её телефон – она теперь живёт в Америке. Но всё-таки дозвонились и, действительно, узнали: Ронинсон похоронен на Немецком кладбище рядом со своей мамой. Разыскали могилу, на которую давно уже никто не приходит, и прочитали на плите удивительную надпись: "Я любил одинаково горячо всех людей разных вероисповеданий. Бог един!!!" Такая вот грустная история, которая, надеюсь, ещё появится в эфире.

СОВСЕМ НЕДАВНО ВЫШЛА ПРОГРАММА

об Александре Фатюшине. Увы, Леониду Филатову увидеть её уже было не суждено. Он успел подготовить ещё несколько программ. Кроме названной уже о Гюлибе Ронинсоне, это и передачи о Борисе Ливанове, Борисе Тенине и Андрее Миронове, Борисе Бабочкине и Борисе Иванове. Судьба этих выпусков пока неясна. Руководство Первого канала сразу же после смерти Филатова приняло оперативное решение – 4 декабря, на сороковины, должна выйти передача о самом Леониде. Она и будет завершать весь цикл. Решение это представляется кощунственным. При всём обилии передач о кино, программами такого уровня, как "Чтобы помнили", наше телевидение похвастаться не может. Леонид Филатов, рассказывая о жизни безвременно ушедших и незаслуженно забытых актёров, как никто умел вызывать у нас сочувствие и жалость. Как важно не растерять эти чувства в наше суматошное время.